

ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ
АРХИВ ШУЛЬЦА

серия “Совсем другое время”

ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ
АРХИВ ШУЛЬЦА

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П17

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении использован фрагмент картины
ПАТРИКА КРАМЕРА “*Persistent memories*”

Паперный, Владимир Зиновьевич.

П17 Архив Шульца / Владимир Паперный. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 507 [5] с. — (Совсем другое время).

ISBN 978-5-17-134286-9

Владимир Паперный — культуролог, историк архитектуры, дизайнер, писатель. Его книга о сталинской архитектуре “Культура Два” стала интеллектуальным бестселлером.

Лос-Анджелес. Эмигрант Александр Шульц, Шуша, неожиданно получает посылку. В коробке — листы и катушки с записями. Исследуя, казалось бы, уже навсегда утерянный архив, архитектор Шульц достраивает историю своей семьи. Она становится настоящим “русским романом”, где юмора не меньше, чем драмы, а любовь снова побеждает смерть.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134286-9

© Паперный В.З., 2020
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© *Patrick Kramer*
© ООО “Издательство АСТ”, 2020

Марине

*Все имена и события вымышлены.
Любые совпадения с реальными именами, событиями,
географическими и другими названиями случайны.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ АРХИВ	11
---------------------------	----

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДЖЕЙ

Птичка	27
Сестра	31
Бах. “Каприччо на отъезд возлюбленного брата”	40
<i>UNER</i>	43
Дедушка Нолик	46
Гостя ниоткуда	52
Отец	57
<i>Jewish Girl</i>	65
Анька: Загорск	67
Глобус	72
Анька: снова Загорск	74
Джей: дневник	77

ГЛАВА ВТОРАЯ ВАЛЯ И ДАНЯ

Валя: детство	85
Валя: ИФЛИ	95
Валя: муж заболел	104
Валя: эвакуация	108
Дина: Баковка	118
Дина: Внуково	120

Через лес	125
Кино: Маяковский	132
Катя Харченко	134
Секс и мораль	138

ГЛАВА ТРЕТЬЯ СЕНЬОР

Прекрасная незнакомка	147
Режиссер	158
Мэл	164
Алиса	172
Алла	179
Две пары	182
Диссидентка	185
Журналистка	188
Валя: черновик неотправленного письма	191
Право Сеньора	195
Алла: второй режиссер	199
“Шехеразада”	201
Матильда	204
Изба	208
Феллини	212
<i>Deep Purple</i>	218

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ЗАРИНЭ

У Сингера	225
В такси	231
Гульрипши	235
Борода	243
Поход	248
Графиня	258

Ночь в горах	262
И снова такси	269
Псху	272
Семья	274
<i>I don't want to know</i>	276

ГЛАВА ПЯТАЯ СУМЕРЕЧНАЯ ЗОНА

<i>Memoria de mis putas tristes</i>	281
Алла: дети	287
Американские шпионы	289
Письма о поездке в Торжок	303
Дафнис и Хлоя	337
Полесье	344
Бегство	351
Перелет	355
ХИАС	363
<i>Sikorsky</i>	366
<i>Mare</i>	390

ГЛАВА ШЕСТАЯ НОВЫЙ СВЕТ

<i>Welcome Home</i>	399
<i>Obrezanie</i>	409
Семья Меламедов	416
<i>Moonlighting</i>	420
Марк Поремский	432
Диалог со шпионом	438
Профессор и Маргарита	443
Девки в озере купались	456
Колумбус	465
Возвращение	469

Русский роман	475
“Летардил”	483
День звонков	492
ГЛАВА СЕДЬМАЯ ПОСЛЕДНИЙ СЕАНС	497
ЭПИЛОГ	509

ПРОЛОГ АРХИВ

Нашего героя зовут Саша Шульц. Можно Шура. Поскольку в детстве он шепелявил, старые друзья зовут его Шуша. Когда новые знакомые слышат это обращение, часто шутят: “Шла Шуша по шоше и шошала шушку”. Хотя он слышал эту шутку сотни раз, всегда вежливо улыбается. Был период, когда он писал в “ЖЖ” и подписывался ШШ, и это сокращение на какое-то время к нему прилипло. Если эти две буквы напечатать рядом, то они будут выглядеть как шестиколонный портик, о чем он узнал уже в архитектурном институте. Иногда, впрочем, подписывался просто Ш, и получался трехколонный портик, о существовании которого он не подозревал до лужковской эпохи. В нашем повествовании из уважения к герою, который панически боялся однообразия, мы будем пользоваться двумя именами — Ш и Шуша.

В 1959 году на лестнице Военторга умер великий конструктивист Иван Леонидов*, впоследствии архи-

* Леонидов Иван Ильич (1902–1959) — советский архитектор, представитель русского авангарда.

тектурный кумир Ш, в Москве открылась американская выставка, от которой у нашего героя поехала крыша, а лауреат Сталинской премии Поль Робсон, судьба которого тоже скоро окажется переплетенной с судьбой Ш, в последний раз приехал в Советский Союз. Шуша в это время учился в десятом классе. Слово “учился” мы здесь употребляем условно, поскольку в школе он появлялся редко и все свободное время проводил в кафе “Артистическое” в проезде Художественного театра, где когда-то бывали Станиславский с Немировичем-Данченко. Там сидели актеры из Школы-студии МХАТ, подпольные абстракционисты и “прогрессивные” театральные критики. Одного из этих критиков называли Сеньором, и знакомство с ним Шуша долгое время считал поворотным событием своей жизни. Когда много лет спустя его спрашивали, чего больше принесло это знакомство — пользы или вреда, он обычно отвечал “фифти-фифти”.

Родители от этой дружбы были в ужасе, особенно после того, как Ш объявил им, что все, что они говорят, пишут и делают, кажется ему полной чужью. Они тогда были увлечены борьбой “за возвращение к ленинским нормам”, а Шуша, под влиянием разговоров в кафе, был уже очень далек и от Ленина, и от Сталина.

Чтобы отвлечь сына от вредного влияния Сеньора и сомнительной публики из кафе, а заодно доказать, что они яркие и интересные люди, мать с отцом решили показать ему Ленинград. Был снят дорогой номер в гостинице “Европейская” и назначены встречи с выдающимися деятелями культуры Ленинграда. Из встреч Ш запомнил одну, с драматургом Володиным. Он пришел к ним в номер, просидел полчаса, обсудил с родителями сценарий филь-

ма “Звонят, откройте дверь”, который он тогда писал, и ушел, явно не понимая, зачем его позвали.

Тут Шуше стало ясно, что веселья не будет, и он послал телеграмму Сеньору в Москву: “Я ЛЕНИНГРАДЕ ДО 25 НОЯБРЯ”. На следующий день пошел на Главпочтамт на Невском рядом с аркой Главного штаба, где его уже ждал ответ: “ПОСТАРАЮСЬ БЫТЬ ЛАКОМКЕ”. Речь, разумеется, шла о кафе “Лакомка”, Садовая, 22, рядом с Гостиным двором. Ш до этого был в Ленинграде в возрасте шести лет, помнил только, что его укачало в самолете и он заблевал квартиру опального ленинградского литературоведа. Про кафе он слышал от Сеньора много раз. В ответной телеграмме не было ни числа, ни времени, и в этом была героическая и страдальческая поза: ты звал — я приеду, я буду просто сидеть в этом кафе все дни подряд и терпеливо тебя ждать.

24 ноября у родителей была запланирована встреча с очередным деятелем культуры, но Шуша с утра объявил, что у него свидание, и выскочил из номера, в последний момент приняв от мамы десять рублей на спасение от голодной смерти.

В незнакомом городе, учил Сеньор, надо ходить пешком. Сам он следовал этому принципу даже в родной Москве, а может, он никогда и не считал Москву родной. Картой пользоваться не надо — просто, дойдя до любого угла, посмотреть на названия пересекающихся улиц и запомнить. Через несколько дней хаотического шатания по городу ты будешь знать его лучше любого местного жителя. Сеньор, похоже, был не только *self-made hippie before the hippie era*^{*}, как его назва-

* Самодеятельным хиппи до эры хиппи (англ.).

ла позже одна славистка, но и ситуационистом, когда движение *Situationist International* еще не возникло.

Итак, из “Европейской” Шуша пошел пешком. Дойдя до угла, посмотрел на названия улиц и запомнил — Михайловская и Невский. Подходя к “Лакомке”, увидел в окне Сеньора, он сидел примерно за таким же столиком, как и в московском “Артистическом”. Начался “привычный день с Сеньором”.

Они шатались по городу. Сеньор произносил монологи, показывал Марсово поле (славно вы жили и умирали прекрасно), Кировский мост, особняк Кшесинской на Большой Дворянской, подаренный за дрыгоножество, и явно блаженствовал: Шуша поступил как верный ученик: телеграмма была до востребования, как и должно, и встретились они в любимом городе и любимом кафе Сеньора.

Надо было звонить какому-то Грише, говорили, что Гриша — подающий надежды писатель. Знаем мы эти ленинградские мифы, ворчал Сеньор, но так и быть, позвоню. Они встретились с Гришей, который с виду показался подростком-пэтэушником, хотя был одного возраста с Сеньором. Критик и писатель сразу же начали спорить, постепенно переходя на крик. Смысл спора был непонятен, что-то про отношения Сартра с Камю, и Шуша переключился на рассматривание улицы Росси, стараясь найти нарушения симметрии между правым и левым зданиями. Карл Иванович Росси оказался на высоте, симметрия была безупречной. Когда они дошли до Александрійского театра, что-то заставило Ш прислушаться:

— Они постоянно выясняют, — говорил Сеньор, — кто умней и кто талантливей...

— ...и у кого хуй длиннее, — вставил улыбающийся пэтэушник.

Шуша замер. Он никогда не слышал, чтобы знакомые родителей, тем более писатели, разговаривали, как дворовая шпана. Он быстро посмотрел на Сеньора. Тот явно выглядел растерянным. Юность его прошла среди интеллектуалов в Ленинградской тюремно-психиатрической больнице, где их всех лечили от диссидентства методом профессора Снежневского — школа жизни не хуже Смольного института.

Возникла пауза. Гриша тоже выглядел смущенным — он, очевидно, неправильно считал внешний облик бродяги-Сеньора. Потом разговор возобновился, уже без крика. Шуша обернулся и тут заметил, что симметрия все-таки была не полной — одна из водосточных труб на правом корпусе была чуть короче других. Карла Ивановича, разумеется, обвинить в этом было трудно.

Гришу он не видел больше года. Какие-то сведения о нем доходили: Гриша написал хороший рассказ, Гриша выпустил сборник, Гриша получил премию. Перед Новым годом Сеньор сообщил, что Гриша переезжает в Москву писать книгу, но жить ему негде.

— У вас есть вроде дача под Москвой. Может, пустишь его пожить до весны?

— Это же летняя дача, — усомнился Шуша. — Печка-то есть, но стены тонкие, пол со щелями, тепло не держится.

Через несколько дней позвонил сам Гриша, уже из Москвы: